

10 Ганжина, И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина. – М. : ООО “Издательство Астрель”: ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 672 с.

11 Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 187 с.

Умоўныя скарачэнні

Брэс. – Брэсцкі раён, Браг. – Брагінскі, Буда-Каш. – Буда-Кашалёўскі, Бярэз. – Бярэзінскі, Гом. – Гомельскі, Драг. – Драгічынскі, Ельск. – Ельскі, Жыт. – Жыткавіцкі, Жлоб. – Жлобінскі, Калін. – Калінкавіцкі, Карм. – Кармянскі, Лун. – Лунінецкі, Лельч. – Лельчыцкі, Лоеў. – Лоеўскі, Маз. – Мазырскі, Маг. – Магілёўскі, Нар. – Нараўлянскі, Петр. – Петрыкаўскі, Рагач. – Рагачоўскі, Рэч. – Рэчыцкі, Стол. – Столінскі, Светл. – Светлагорскі, Слуц. – Слуцкі, Сен. – Сененскі, Хойн. – Хойніцкі.

УДК 811.161.1'06'373.23

Е. И. Тимошенко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СЛОВА *ТОВАРИЩ* В ЯЗЫКЕ XX ВЕКА

В статье анализируется смысловое наполнение слова товарищ в языке XX века (рассматриваются предреволюционный и советский периоды), обусловленное идеологической позицией носителей языка. На материале текстов, принадлежащих представителям разных политических партий и течений, прослеживается история оценочных коннотаций, сопровождающих слово, и его социальных функций.

В любом языке существуют так называемые «идеологизированные» [1, с. 141] слова, смысловое наполнение которых, с одной стороны, связано с господствующей в обществе политической идеологией, а с другой – может варьироваться в зависимости от политической позиции, занимаемой автором высказывания. В русском языке предреволюционного периода (1917) такими словами являются названия политических партий и течений, их сторонников, государственных и политических учреждений и организаций, различных явлений политической жизни и т. п. (*революция, большевик, меньшевик, большевизм, меньшевизм, социалист, социалист-революционер, социал-демократ, кадет, совет, советский, агитация* и под.). Смысловое наполнение подобных слов в тексте, обусловленное указанными факторами, создает то, что в современной лингвистике принято обозначать термином *политический дискурс*. Появившийся в 70-е годы 20 в. термин *дискурс*, первоначально употреблявшийся в значении близком к значению термина *функциональный стиль*, постепенно приобрел самостоятельное значение. Ю. С. Степанов в работе «Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности», рассматривая определения дискурса, известные в советском языкознании, наиболее удачным признает определение В. З. Демьянкова, данное им в «Англо-русском словаре терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста». В данном словаре дискурс понимается как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения», элементами которого являются: «а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [см.: 2, с. 37–38]. Ю. С. Степанов характеризует дискурс как особое использование языка для выражения определенного типа ментальности, что «в конечном счете в свою очередь создает особый “ментальный мир”» [2, с. 38–39]. Показательным примером может служить советский политический дискурс, в частности дискурс советской идеологии хрущевской и брежневской поры, исследованный Патриком Серио и получивший во Франции название «деревянного языка». Основными чертами этого дискурса считаются, во-первых, бессубъектность, формирующаяся за счет

номинализованных конструкций (таких, в которых основную смысловую нагрузку несут абстрактные существительные) и способствующая созданию «обезличенности», которая равнозначна отсутствию чьей бы то ни было ответственности; во-вторых, сочинение (сочинительная, а также бессоюзная связь), объединяющее в синонимические (или похожие на синонимические) ряды понятия, далеко не тождественные, но сближающиеся благодаря такой связи и создающие впечатление их реального, жизненного единства (*я = (Генсек) = ЦК = вся партия = наша страна = мы*).

Таким образом, под политическим дискурсом, на наш взгляд, в широком смысле можно понимать отражение в тексте с помощью языковых средств «контекста эпохи», включающего преобладающие идеологические и мировоззренческие установки общества, его моральные ценности, отношения и оценки и т. п. Вместе с тем, о дискурсе можно, по-видимому, говорить и как об индивидуальном явлении.

Двадцатый век разделил историю России на два периода, между которыми пролегла пропасть, оборвавшая поступательное развитие общества и естественный ход жизни (естественный, несмотря на всю ее несправедливость). Революционный переворот общественного устройства не мог не сказаться на языке. Появились новые слова, среди которых оказалось большое количество аббревиатур (часто весьма несуразных), новым политическим и идеологическим смыслом наполнились старые слова – такие, как *совет, красный, белый, товарищ* и т. п. Остановимся более подробно на рассмотрении особенностей употребления последнего, обусловленных сменой политических реалий.

Существительное *товарищ* фиксируется в древнерусских текстах начиная с 14-го века в значении ‘участник, сотоварищ’ [3, т. III, ч. 2, с. 969]. К новому времени семантика слова несколько расширяется: в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., кроме значения ‘находящийся в одном с кем-либо обществе, участвующий в делах или занятиях другого’, подается значение ‘помощник, сотрудник’ (*Товарищ министра*) [4, т. IV, с. 283]. Положительные оценочные коннотации, свойственные основному значению слова (синонимами к *товарищ* в этом значении выступают такие слова, как *приятель* и *друг*), обусловили его использование в функции обращения сначала в среде сторонников установления демократического общественного строя, а после победы революции 17-го года – в качестве официально принятого обращения в обществе. Пафос всеобщего равенства и братства, который несли с собой революционные идеи переустройства жизни на началах справедливости, естественным образом отразился в стремлении поменять и формы вербального общения. Новое обращение должно было подчеркнуть принципиально иное (не только как к равному, но как к другу, духовно близкому человеку) отношение соотечественников друг к другу по сравнению с прежними отношениями между ‘господами’ и ‘слугами’, ‘белой костью’ и ‘чернью’.

Политическое переосмысление слова *товарищ* начинается уже в период первой русской революции 1905–1907 гг. и продолжается после нее. Слово сразу приобретает амбивалентные смыслы в среде сторонников и противников социальной революции. В 1906 г. кадеты начинают издавать газету «Товарищ», которая должна была способствовать освободительному движению в России. В этом же году пролетарский писатель М. Горький пишет сказку «Товарищ» – настоящий гимн волшебному слову *товарищ*: «...это слово пришло объединить весь мир, поднять всех людей его на высоту свободы и связать их новыми узами, крепкими узами уважения друг к другу, уважения к свободе человека...; ...яркой, веселой звездой, путеводным огнем в будущее, сверкало простое, емкое, как сердце, слово: – Товарищ!» [5]. Окончательное закрепление слова *товарищ* как официально принятого обращения состоялось после издания большевиками 23 ноября 1917 г. декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». В 1920 г. А. А. Богданов в тезисах «Пути пролетарского творчества» пишет о слове *товарищ* как о «всемирно установившейся форме вежливости» [6]. Новая страна слагает песни о том, что «наше слово гордое *товарищ* нам дороже всех красивых слов».

В среде противников революции слово звучало совсем в другом контексте. Прежде всего надо отметить регулярность иронического употребления слова *товарищ*, проявляющегося

в его закавычивании и отражающего глубокое неприятие новой идеологии и неверие в возможность становления «новых» общественных отношений: *В Совете и Комитете РД роль играет Гиммер (Суханов), Н. Д. Соколов, какой-то «товарищ Безьяманный», вообще большевики (З. Гиппиус. Дневники); Настроение у толпы веселое. Идут еще какие-то. «Правые или левые? Правые или левые?» – кричит молодежь. Те молча и сосредоточенно проходят. «Видишь – правые, молчат», – заявляет какой-то «товарищ» (Е. Я. Кизеветтер. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов. Из дневников) [6]; Под вечер, вернувшись с прогулки, я застал у себя Кизеветтера в беседе с Лизой. Много говорили о «товарищах», которых он изучил в совершенстве [7, с. 358]. (Имеется в виду профессор Московского университета кадет А. А. Кизеветтер. К 1917 году кадеты уже не вкладывали в слово *товарищ* прежнего смысла).*

Далее, обращает на себя внимание лексический контекст, в который помещается (или подразумевается) слово *товарищ* и который содержит не просто крайне уничижительную – уничтожающую оценку революционеров: *В прочих головах членов советов рабочих, «батрацких» и прочих депутатов, т.е. в головах той шайки, которая ими руководит, одни узенькие теории, у иных даже простые шаблоны и никакого практического смысла, никакой способности видеть действительность. Просидев много лет в подполье, где они учились по плохоньким переводам с немецких брошюр, они разучились присматриваться к настоящему миру Божьему и его понимать [7, с. 388]; [Партия социалистов-революционеров дразнит] аппетиты несбыточными надеждами, которые нельзя осуществить [7, с. 393]; Вечер провели в обществе соседей за политическими разговорами. Мы очень сходимся во взглядах, и с кем ни поговорим, все говорят одно и то же: беспорядок, разнузданность, анархия, отсутствие безопасности и т.д. и т.д. [7, с. 393]; Социал-революционеры потерпели полный провал, никому не дав «земли», которую они обещали на выборах в общую городскую думу. Большевики свою победу обеспечили еще более наглым обманом: их агитаторы перед выборами ходили по дворам и обещали, если их выберут, выдавать по 1 1/2 ф. хлеба на человека в день вместо выдаваемых теперь 1/2 ф. [7, с. 428]; [На Советании общественных деятелей 12 октября 1917 г. в Москве] говорилось о «товарищах», об их темноте и бессилии, о том, что их нечего бояться, что они мираж, наваждение и болотное испарение... [7, с. 440]; в социалистических листках, кроме хамской пошлости и взаимной ругани, никаких известий нет [7, с. 454]. Профессор Московского университета историк М. М. Богословский в своих дневниках пишет о совершенно недопустимом, преступном обращении «товарищей» с русским языком: «Господи, на каком безобразном интернациональном воляпюке говорят эти товарищи-большевики. Совет рабочих и солдатских депутатов начинает издавать декреты и выражается так: «Принимая во внимание, что предприниматели, саботируя производство, провоцируют стачки, совет декретирует» и т. д. Что станет с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их великое преступление против России» [7, с. 444–445].*

К сожалению, как справедливо замечает русский философ и правовед Н. В. Устрялов, мгновенный переход от деспотизма к братству невозможен. Между этими двумя состояниями должен быть длительный период гражданского общества, в котором каждый сознает себя свободным гражданином, в равной степени с другими ответственным за судьбу своего отечества («свобода обяывает»). Мы же, – пишет Н. В. Устрялов, – «не удовлетворились свободой и равенством. Мы захотели братства. Нам показалось мало хорошего государства. Мы отказались от звания “граждан”, чтобы стать “товарищами”. Хотели дать указующий урок миру, а дали устрашающий пример. Мечтали о земном рае, а создали нечто, весьма похожее на ад». И оказалось, что и «слово звучит как-то фальшиво, и словно чувствуется в нем мефистофельская ирония...» [8].

Список использованной литературы

1 Брагина, А. А. Русское слово в языках мира. Книга для внеклассного чтения / А. А. Брагина. – М. : Просвещение, 1978. – 191 с.

2 Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века; Российская Академия наук, Институт языкознания РАН. Под ред. академика Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 35–73.

3 Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Репринтное издание. – М. : Книга, 1989. – Т. I–III.

4 Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4-х томах. – Т. IV. – СПб., 1847. – 487 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://etymolog.ruslang.ru/doc/dict1847_R-Fita.pdf. – Дата доступа : 05.10.2017.

5 Горький, М. Товарищ (сказка) / М. Горький [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/proza/rasskaz/tovarisch.htm>. – Дата доступа : 07.10.2017.

6 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru/>. – Дата доступа : 05.10.2017.

7 Богословский, М. М. Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред С. О. Шмидт. – М. : Время, 2011. – 800 с.

8 Устрялов, Н. В. Товарищ и гражданин. 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://monocler.ru/tovarishh-i-grazhdanin/>. – Дата доступа : 10.10.2017.

УДК 811.161.1-26'06:091.5:94(470)"1649"

Т. Г. Трофимович

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ И ЯЗЫКОВЫХ ВКУСОВ ЭПОХИ В ОФОРМЛЕНИИ ПОДПИСЕЙ К УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА

В публикации анализируется список подписей (рукоприкладств) к Соборному уложению 1649 года – крупнейшему кодексу феодального права Русского централизованного государства. Оформленные особым образом, эти подписи отразили сложившиеся представления о социальной иерархии общества, а также некоторые особенности старорусского языка поздней эпохи его существования.

Соборное уложение 1649 года, как считают историки русского права, появилось на гребне обострения сословных и классовых противоречий России середины XVII века и стало результатом эволюции тогдашнего социального и политического строя. Именно с принятием Уложения начинается переход от сословно-представительной монархии и абсолютизму [1, с. 6].

Известно, что над написанием текста Уложения работала созданная по приказу царя Алексея Михайловича комиссия, которую возглавлял князь Н. И. Одоевский. Принять Уложение должен был Земский собор – высшее сословно-представительское учреждение России, собрание представителей всех слоёв населения (кроме крепостных крестьян), предназначенное для обсуждения политических, экономических и административных вопросов [2, с. 10]. После долгих обсуждений и исправлений Уложение было принято и 29 января 1649 года вступило в силу.

Текст Уложения, первоначально представлявшего собой рукописный свиток, подписали 315 участников Земского собора. Подписи, которые тогда назывались *рукоприкладствами* (от устойчивого выражения *руку приложить – поставить подпись*) [3, в. 22, с. 243], располагались на обороте свитка и впервые привлекли внимание исследователей в 1767 году, когда по заданию Екатерины II они были скопированы. С того времени список рукоприкладств неоднократно изучался преимущественно историками русского права. Он содержит не только много значимой информации о социальном устройстве тогдашней России, но и сведения по истории старорусского языка. Обратимся непосредственно к анализу.

Подписей в современном понимании этого слова список не включает, поскольку такими являются написанные от руки фразы. Обратим внимание на порядок оформления этих